

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Из воспоминаний
о Бернарде Шоу

1. Я живу в Шотландии, в Эйршире, но мое участие в парламентской работе связано с постоянными поездками в Лондон, — на самолете, в поезде, в автобусе или в часы ожидания их у меня бывает досуг для чтения.

Я никогда, однако, не тратил свое время, в отличие от многих других путешественников по Англии, на то, чтобы ломать себе голову над кроссвордами. У меня есть кое-что другое, над чем приходится ломать голову, — я всегда держу при себе книгу на русском языке.

Вот уже много лет, как я, правда, с перерывами, занимаюсь чтением русских книг. Я знаю язык достаточно, чтобы меня понимали при разговоре на бытовые темы; при этом требуется, чтобы мои собеседники проявляли терпение и сочувствовали иностранцу, преодолевающему трудности произношения. Слушатели мои обычно обладают этими качествами. Я полагаю, право же, что людям повсюду свойственно проявлять терпение и стремиться помочь иностранцу, который с болезненным напряжением, запинаясь, пытается объясниться на чужом языке. Совсем другое дело, конечно, говорить с русскими, владеющими вполне или приблизительно английским языком. Таких русских мы встречаем в Лондоне во множестве в наши дни. Я не решаюсь говорить с ними по-русски. К тому же я понимаю, что они хотят прежде всего попрактиковаться в английском языке. И я стараюсь забыть свой русский язык и вставляю лишь изредка словечко или фразу по-русски, так что собеседникам остается неясным, в какой степени я понимаю их родной язык.

Если бы все русские произносили фразы с той же скоростью, с какой они произносятся диктующим учителем, то меня это вполне бы устроило, но нормальный человеческий разговор стал бы при этом невозможен.

Я люблю говорить по-русски с теми русскими, которые знают английский примерно так же, как я знаю русский. Тогда дело идет превосходно. Нам приятно сознавать, как много мыслей мы можем передать друг другу с помощью ограниченного запаса слов, нас поддерживает уверенность, что оба мы, в конце концов, совсем не так уж тупы и невежественны.

Когда изучаешь иностранный язык, то невольно приходишь к мысли, что полезно читать пьесы. Легче следить за диалогом, чем за длинными повествовательными периодами, легче запоминаются простые, основные слова и фразы.

Особенно, когда знаешь текст пьесы на своем родном языке. И вот долгое время я искал томик пьес Бернарда Шоу в русском переводе. Много раз я тщетно пытался достать его в России, но прошлым сентябрем мне удалось в восточном Берлине, в русском книжном магазине, купить два недавно изданных на русском языке тома с избранными пьесами Шоу. Это счастливая находка для меня. На ближайшие два года у меня хватит теперь материала, что-

бы читать и чтобы ломать себе голову в автобусе, поезде и на самолете. К концу этого времени в моем распоряжении окажется столько русских слов и фраз, что я смогу вернуться на Кавказское побережье, в Сочи, и закончить спор, начавшийся там прошлым летом. Спор этот прекратился не потому, что мы пришли к определенному заключению, а потому, что у обоих спорщиков истощился запас слов.

Читая эти пьесы, я всегда вспоминаю Бернарда Шоу, блестящего, мудрого и обаятельного. Бернарда Шоу, одного из литературных гигантов моего времени, которого я имел честь лично знать. Русские сделали то, что сделала ни одна нация в мире, — в ознаменование столетней годовщины со дня рождения Шоу они выпустили почтовую марку с его портретом. Я знаю, что молодежь в СССР интересуется личностью и творчеством Бернарда Шоу. Думаю поэтому, что вестную услугу читателям «Литературной газеты», поделившись своими воспоминаниями о Шоу.

Впервые я увидел Бернарда Шоу в январе 1910 года, когда ему было 54 года. Он прибыл в Вальдский угольный район, где я жил, чтобы выступить во время избирательной кампании. Я был тогда подростком шестнадцати лет и начинал как раз интересоваться политикой.

Шоу никогда не отказывался участвовать в социалистических митингах, хотя он уже был к тому времени пресуевающим драматургом. Он был большим мастером уличных выступлений, великолепно держался на трибуне, особенно когда надо было парировать выкрики с мест.

У меня и сейчас свежо воспоминание об одном митинге. Зал был переполнен шахтерами. У Шоу был вид высокого, стройного и довольно добродушного Мефистофеля. У него был красивый, мелодичный голос. Он говорил с приятным ирландским акцентом.

Большинство присутствовавших на этом собрании никогда раньше не слышало Бернарда Шоу. Мы были восхищены его речью. Я немедленно стал «шовианцем», как он обычно именовал своих сторонников. Я продолжал им быть в течение сорока лет. Я читал все написанное им, я ходил смотреть его пьесы, я защищал его от критиков, даже и тогда, когда подозревал в душе, что он говорит нечто такое, что трудно защищать.

Шоу рассматривал себя в первую очередь как пропагандиста, а в те времена слово «пропаганда» еще не имело оскорбительного смысла. В ранней молодости он выступал перед маленькими аудиториями на уличных митингах и обращался к немногочисленным слушателям. Когда газеты стали печатать его статьи, а театры начали ставить его пьесы, число его слушателей росло, он стал одним из наиболее популярных писателей в мире, за свою долгую жизнь он использовал для пропаганды своих идей трибуну, прессу, театр. Социалистическое движение всегда будет ему благодарно.

Не пренебрегал он даже и церковной кафедрой, хотя нельзя сказать, чтобы его часто приглашали туда.

В годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, некий лондонский священник, преподобный Кемпбелл, вызвал своего рода сенсацию, выступив с рядом проповедей, в которых он изложил то, что получило название «новой теологии». Он объявлял также, что примыкает к социалистам. Его лондонская церковь стала широко известна; туда приходило много народу, чтобы послушать высказывания, далеко расходящиеся с ортодоксальными. По какому-то случаю священник пригласил Шоу выступить с докладом в его церкви. Это явилось новой сенсацией, и Шоу, у которого была репутация кого угодно, но только не ортодоксального христианина, согласился. Он начал с высмеивания некоторых гимнов, популярных в те дни в диссидентских церквях. Один из них имел такой рефрен:

Омой меня в крови ягненка,
И я белее снега стану.

Шоу заметил, что он не вынес бы этого: «слишком уж это похоже на лавку мясника». Он стал высмеивать распространенное представление о боге, как о чем-то среднем «между Санта Клаусом и конным полисменом», и рассказал случай, имевший якобы место с его приятелем, который умер и был взят на небо. Там он увидел архангела Гавриила и попросил устроить ему беседу с господом богом. После нескольких возражений Гавриил привел его в такое место, где «восседал на облаках меланхоличный пожилой джентльмен». «Мы согласились удовлетворить вашу просьбу лицезреть господина, — сказал архангел, — но не можем разрешить вам вступить с ним в разговор. Между нами говоря, у старика не все дома».

«Вот почему так плохо обстоит дело в мире, — сказал Шоу, — бог внутри нас спит».

Закончил он свое выступление таким образом:

— Живите полной жизнью, отдавайте себя людям в меру своих возможностей. И тогда вы встретите после смерти своего бога, если таковой существует, не как жалкие трепещущие грешники, но, заявив с гордо поднятой головой: «Я выполнил свое дело на земле. Я сделал больше, чем мне было положено. Я оставил мир в лучшем состоянии, чем нашел его. И я прихожу к тебе не с просьбой о награде, я требую ее».

«Проповедь» была напечатана в форме памфлета, но, насколько я помню, это было первое и последнее выступление Шоу на церковной кафедре. Больше его не приглашали.

Шоу написал много газетных статей, которые я хорошо помню, но которые я никогда не видел напечатанными в собрании его сочинений.

Я помню статью, опубликованную в старой «Дейли ньюс» после того, как затонул пароход «Титаник» во время своего рейса в Нью-Йорк. Газеты помещали истории о том, как пароход погружался в воду, а оркестр на борту исполнял в это время религиозный гимн «К тебе, господь мой, приближаюсь». Проскальзывали в то же время сведения о том, что пассажиров первого класса снимали с тонущего парохода в первую очередь.

Шоу клеймил презрением печать за то, как она освещала трагедию «Титаника». Характерным явилось, писал он, не сочувствие жертвам трагедии, а вавры откровенной, возмутительной хохотливой лжи. Он сопоставлял ставшие

Эмрис Хьюз

известными факты с попытками представить их в сентиментальном духе. Он спрашивал, где доказательство того, что, когда судно погружалось в море, оркестр исполнял религиозный гимн. Как совместить, спрашивал он, слова гимна «К тебе, господь мой, приближаюсь» с тем, что первый помощник посылал в это время к черту м-ра Брюса Исмей (одного из директоров пароходной компании, который был спасен).

Шоу был превосходным журналистом. Он был мастером смелой иронии, которая будила мысль читателя. Это видно даже из названий его социалистических памфлетов. Его ответ буржуазному экономисту, защищавшему капитализм, был озаглавлен: «Социализм и непревзойденный ум».

Эмрис Хьюз, член английского парламента, видный деятель лейбористской партии, посетил недавно Советский Союз.

В своем письме в редакцию «Литературной газеты» Эмрис Хьюз писал: «Во время пребывания в Тбилиси я присутствовал на премьере «Пигмалиона» Бернарда Шоу. Пьеса шла на грузинском языке. После спектакля я долго беседовал с актерами о Бернарде Шоу...»

Выполняя пожелания тбилисских собеседников, Эмрис Хьюз прислал нам свои воспоминания о Бернарде Шоу.

Очерки Эмриса Хьюза публикуются с небольшими сокращениями.

2.

Бернард Шоу был ирландцем, а не англичанином; иностранцы не должны ошибочно думать, что он представляет собой английский дух. Это важно постолкнуть, поскольку духовная атмосфера, в которой находился ирландец, чья юность прошла в Ирландии и при этом как раз в те годы, в какие рос Бернард Шоу, резко отличалась от той духовной атмосферы, в которой вырастали современные ему английские писатели, такие, например, как Джон Голсуорси. Отсюда не следует, что Шоу был типичным ирландцем, ибо ирландцы являются обычно правыми католиками, а отец и мать Шоу были протестантами, иными словами, не католиками. Но у Шоу было много характерных ирландских черт. У него были ирландское чувство юмора, веселость, остроумие и жизнерадостность, которые отличают ирландца от англичанина.

Достаточно было пробыть короткое время с Бернардом Шоу, даже когда он был глубоким стариком, чтобы раслышать восхитительный ирландский акцент и напевный говор дублинца. Жена его тоже была ирландкой, и хотя он по своим политическим воззрениям не был ни в какой степени ирландским националистом, он всегда вставал на защиту ирландской нации и помогал ирландскому народу в трудную минуту.

«Когда я говорю, что я ирландец, — писал он в предисловии к своей пьесе «Другой остров Джона Булля», — я хочу сказать, что я родился в Ирландии и что моим родным языком является язык Свифта, а не варварский жаргон лондонских газет середины XIX века... Когда я гляжу вокруг себя на людей без роду и племени, будь это подонки общества или развращенные достатком люди, на тех, кто называет себя ныне англичанами... то я прихожу к выводу, что Ирландия это единственный уголок на земле, где по-прежнему люди, хранящие исторические английские традиции. Я готов согласиться с вами, что ирландец может быть негодяем, сутенером, пьяницей, лгуном, сквернословом, подхалимом, попрошайкой, клеветником, взяточником, продажным судьей, завистливым другом, мстительным противником, беспринципным политическим предателем, равно как и джентльменом (разновидность, вымершая в Англии, причем никто от этого не пострадал), но он никогда не бывает истеричным, набитым нелепостями, не желающим считаться с фактами, устрашающимся истины, неуравновешенным игралцем фантастических страхов и вздорных восторгов, тем, кто сам себя именует ныне «англичанином, любимцем господа». Англия не может обходиться сейчас без своих ирландцев и своих шотландцев, потому что она не может обойтись без минимальной дозы здравого смысла».

И Шоу на протяжении всей жизни не сомневался, что он был послан в этот мир, чтобы проповедовать англичанам здравый смысл. Оккупация Англии Ирландией воспитывала у ирландцев на протяжении столетий до появления Шоу критические отношения к английским учреждениям, английской истории и английской политике. Сам Шоу, впрочем, не щадил и ирландцев. Я думаю, что ему доставляло особое удовольствие заниматься высмеиванием быта англичан и разрушать их иллюзии.

В своей пьесе «Избранник судьбы» он вкладывает в уста Наполеона следующие слова:

«Англичане — особая нация. Ни один англичанин не может опуститься настолько низко, чтобы не иметь предубеждений, или подняться настолько высоко, чтобы освободиться от их власти. Но каждый англичанин от рождения наделен некоей чудотворной способностью, благодаря которой он и стал владыкой мира. Когда ему что-нибудь нужно, он ничем не признается себе в этом. Он будет терпеливо ждать, пока в голове у него, неведомо как, не сложится твердое убеждение, что его нравственный, его христианский долг — покорить тех, кто владеет предметом его вожделений. Тогда сопротивляться ему уже невозможно. Подобно аристократу, он делает все, что ему вздумается, и хватается, что ему приглянулось; подобно лавочнику, он вкладывает в достижение своей цели упорство и трудолюбие, рожденные крепкими религиозными убеждениями и высокоразвитым чувством моральной ответственности. Он всегда найдет подходящую нравственную позицию. Как рыцарь поборник свободы и национальной независимости, он захватывает и подчиняет себе полмира и называет это Колонизацией. Когда у него возникает нужда в новом мире для его подмоченных манчестерских товаров, он посылает миссионера проповедовать туземцам евангелие Мира. Туземцы миссионера убивают. Тогда он поднимает меч в защиту христианства. Сра-

жается за него. Побеждает. И забирает себе нужный рынок как награду вышше. Чтобы защитить берега своего острова, он сажает на корабль священника, вывешивает на бран-стенге флаг с крестом, плывет на край света и топчет, жжет, истребляет всех, кто оспаривает у него господство над морями. Он хвастливо заявляет, что любой раб свободен с той минуты, как нога его ступила на английскую землю; а детей своих бедняков в шестилетнем возрасте посылает работать на фабриках под ударами хлыста, по шестнадцать часов в день. Он устраивает у себя две революции, а потом объявляет войну нашей — во имя закона и порядка. Нет той подлости и того подвига, которых не совершил бы англичанин; но не было случая, чтобы англичанин оказался неправ. Он все делает из принципа: сражается с вами из патриотического принципа; грабит вас из делового принципа; порабощает вас из имперского принципа; грозит вам из принципа мужественности; он поддерживает своего короля из верноподданнического принципа и отрубает своему королю голову из принципа республиканского. Его неизменный девиз — долг; и он всегда помнит, что нация, допустившая, чтобы ее долг разошелся с ее интересами, обречена на гибель».

Шоу написал это в 1896 году. Шестидесять лет спустя британское правительство бомбардировало Египет и оккупировало Суэц. Чем это было объяснено? Британский премьер и министерство иностранных дел не говорили, что они оккупируют Египет, чтобы овладеть Суэцким каналом. Все это было, оказывается, сделано, чтобы помешать враждующим сторонам, чтобы предупредить расширение войны, чтобы защитить великий международный водный путь в интересах всех морских держав и т. д. и т. п. Они хотели, чтобы английский народ и весь остальной мир знали, что все делается на основе высоких принципов. Они не считали нужным просто заявить, что им нужен Суэцкий канал. Я уверен, что если бы Шоу был жив, он не преминул бы подчеркнуть, что «возлюбленные господом англичане» (как он выражался) действовали в духе великой английской традиции и сохраняют верность самим себе.

В качестве полемического писателя Шоу не имел себе равных среди современников. Я вспоминаю, какое глубокое впечатление произвел он на нас в самом начале первой мировой войны, поместив в журнале «Нью стейтсмен» свою статью «Война с точки зрения здравого смысла». Он занял в отношении войны позицию, несколько отличную от той, которую занимали мы, откровенные противники войны с самого начала. Это, собственно, было тем, чего можно было ожидать, ибо его позиция по любому вопросу всегда отличалась от всякой другой.

В этой статье у Шоу имеется абзац, который вызвал бурю возмущения: «Героическим выходом из этого трагического столкновения было бы, если бы обе армии перестреляли своих офицеров и отправились бы по домам с тем, чтобы собрать урожай с полей и устроить в городах революцию (шел ноябрь 1914 года! — Э. Х.). Вряд ли можно сейчас рассчитывать на такой выход. О нем нужно, однако, упомянуть. Нечто подобное этому всегда возможно со стороны принудительно набранных армий, когда командиры заставляют их страдать выше человеческого сил, а они начинают понимать, что убивать своих соседей означает действовать во вред самим себе и еще больше закреплять то ярмо, которое надето на их шею собственными милитаристами и помещиками. Нельзя, однако, надеяться, или, как сказали бы наши помещики, опасаться, что солдаты проникнутся в такой степени здравым смыслом».

Позднее, в 1917 году, Шоу заметил, что «русские солдаты действовали по его совету».

Претендуя в своем памфлете на патриотизм, Шоу следующим образом объяснял, почему он желает Англии выиграть войну:

«У меня нет моральных причин относиться с уважением к современному капиталистическому обществу. Я смотрю на британскую, немецкую и французскую его часть с равным неодобрением. У меня такое чувство, что я присутствую при боевой стычке двух разбойничьих флотов. Для меня, однако, играет большую роль, что я сам, моя семья и все мои друзья находимся на борту британских кораблей; поэтому, если от меня что-нибудь зависит, я не хотел бы, чтобы они затонули. На всех кораблях подняты бандитские флаги, но флаг на моем корабле имеет в уголке английскую эмблему».

Несмотря на уверения Шоу, что он весьма патриотичен, памфлет его подвергал беспощадной критике британскую империалистическую политику и ту роль, которую британские политики и дипломаты сыграли в возникновении войны.

Печать сейчас же заклеила Шоу как сторонника немцев и жестоко обрушилась на него. Он ответил на это редакторам газет письмом, в котором давал им советы, как следовало бы критиковать Шоу, и предложил проект ругательной рецензии на собственный памфлет. Эта рецензия содержала следующий абзац:

«Бернард Шоу, этот бездушный клоун, находит мрачное удовольствие в том, чтобы отвлекать наше внимание от нависшей над нами угрозы. Он издевается над потерявшими глаза и руки жертвами гуннов, издевается над ними перед лицом английских матерей, посланных своих сыновей на фронт. Ныне он пытается подлизаться к черни, выступая с шумом за поражение наших врагов и занимаясь одновременно самым грубым подстрекательством против нашего союзника — царя. Куда смотрят власти? Почему этот фигляр еще на свободе?»

Было трудно спорить с таким человеком. Шоу был одним из немногих английских писателей, проповедовавших здравый смысл в годы войны. И те из нас, кто был против войны, были ему за это благодарны.